

УДК 9/796.9/327

ЗИМНИЕ ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ В СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКЕ (1956–1988 гг.)

© 2018 г.

И.С. Тряхов

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир

ilja.tryahoff@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.01.2018

Рассматривается значение зимних Олимпийских игр в советской политике. На основе опубликованных документов ЦК КПСС и Спорткомитета СССР показано, как советское руководство использовало достижения советских спортсменов и сами «Белые» игры в пропагандистских мероприятиях, рассматриваются конфликты в Олимпийском движении, которые возникали из-за сложностей в международных отношениях и в то же время сами влияли на международную политику. В отдельные моменты спортивное соперничество между странами социализма под влиянием политической ситуации переходило в жёсткое противостояние, чего обычно не бывало во время соревнований советских и западных спортсменов.

Ключевые слова: зимние Олимпийские игры, «холодная война», Международный Олимпийский комитет, Спортивный комитет СССР, страны социалистического блока, коммерциализация спорта.

Развитие профессионального спорта в XX веке постепенно опрокинуло его в большую политику. Если для небольших спортивных держав (Норвегия, Швеция, Австрия) это не имело значения, то для СССР и США в годы «холодной войны» вопрос спортивных побед приобретал первостепенную роль. Не имея возможности одержать победу в глобальном военном конфликте, руководство сверхдержав пыталось использовать другие сферы жизни для того, чтобы показать превосходство своей социально-экономической и политической системы. Одной из арен противоборства становились Олимпийские игры (в первую очередь летние) или же те соревнования, где имелось прямое противостояние команд или спортсменов двух сверхдержав, и там, где они были приблизительно равны по силам.

Спортсмены Советского Союза впервые приняли участие в Олимпиадах в 1952 году, причём решением советского руководства пропустили зимние, проходившие в Осло, но поехали на летние игры в финскую столицу Хельсинки. Объяснялось это просто – Норвегия была членом НАТО, а Финляндия являлась не только нейтральным государством, но и находилась рядом с Ленинградом. Данное обстоятельство обеспечивало советскому руководству достаточный контроль над своей делегацией, хотя нельзя сказать, что опасения провокаций или нежелательных для СССР действий со стороны США и капиталистических стран были совсем уж безосновательны. После 1952 года советские спортсмены пропустили лишь летние игры в Лос-Анджелесе-1984, в остальных же принимали неизменное участие, и с позиции сегодняш-

него дня выступления советских спортсменов были, безусловно, успешными. В то же время советское руководство зачастую так не считало. В зимних играх место ниже первого в общекомандном зачёте рассматривалось как неудача и это притом, что здесь – в отличие от летних игр – США никогда не оказывались выше Советов.

Связь спорта и политики в отечественной историографии стала разрабатываться исследователями лишь в постсоветские годы. Фундаментальным исследованием проблемы является труд М.Ю. Прокуменщикова, в котором историк обстоятельно и всесторонне показал место спорта в советской политике [1, 2]. В.В. Пасынкова в своей монографии ставит широкий круг вопросов, связанных со спортом и его связью с европейской политикой и экономикой [3]. Ф.И. Раззаков посвятил свою работу трудностям, с которыми сталкивались советские спортсмены на международных соревнованиях, а также судьбам некоторых из них [4]. В настоящее время интерес историков и представителей других гуманитарных наук к спортивной проблематике растёт [5, 6]. Исследуются вопросы взаимосвязи политики и спорта в международных отношениях [7, 8], а также место большого спорта в новейшей отечественной истории [9–11]. В то же время практически отсутствуют работы, анализирующие роль зимних Олимпийских игр в политике советского государства. Особым историографическим и источниковедческим явлением стало издание сборника документов, посвящённого «Белым играм» 1956–1988 гг. [12]. В издании авторы не только опубликовали наиболее важные источники по данному вопросу, но и представили подробное и

обстоятельное предисловие [12, с. 5–34]. Следует при этом учитывать, что опубликованные документы не представляют весь комплекс источников, отложившийся по данной проблематике в российских архивах, поэтому их поиск и анализ в дальнейшем необходимо продолжать. Внимание историков также привлекает германский вопрос в контексте Олимпийских игр. Так как ГДР являлась союзником СССР, то проблема общегерманской команды стояла на повестке советского руководства. Если в отечественной историографии пока нет исследований, посвящённых данному вопросу, то британские историки обратили внимание на этот аспект политико-спортивной жизни 1950–1960-х годов [13].

Целью исследования является анализ роли зимних Олимпийских игр в политике советского руководства в широкий временной период: с момента первого участия советских спортсменов в итальянском Кортина д'Ампеццо (1956 г.) и вплоть до игр в канадском Калгари (1988). В 1992 году в Альбервилле из-за бюрократических проволочек выступала объединённая команда, состоящая из спортсменов уже бывших советских республик.

С учётом большого политического и медийного влияния Олимпийских игр и, одновременно, кризиса, переживаемого Олимпийским движением, в настоящий момент *актуальность* проблемы трудно переоценить, т.к. она носит научный и общественно-политический характер.

При подготовке к зимним Олимпийским играм 1956 года советское руководство предполагало занять первое общекомандное место [12, с. 48–49]. Такое желание советских руководителей накладывало на спортсменов особые обязательства. В условиях потепления международного климата в послесталинскую эпоху самым трудным политическим вопросом, который предшествовал Олимпиаде в Кортина д'Ампеццо, был германский. С точки зрения руководства МОК в лице президента Э. Брендеджа «любительский спорт не должен употребляться как политическое оружие». Об этом он недвусмысленно написал в письме председателю НОК СССР К.А. Андрианову [12, с. 60]. В другом письме, направленном президенту НОК ГДР Г. Шебелю, Брендедж прямо заявил, что Восточная Германия рассматривает спорт как политическое оружие. Стоит отметить, что Брендедж был единственным президентом МОК неевропейского происхождения, он – американец и сторонник любительского спорта.

Вопрос о спорте как политическом оружии был затронут президентом МОК не случайно. Ещё 27 ноября 1955 года западноберлинская газета опубликовала заметку о третьей конференции спортивных обществ ГДР. Автор сообще-

ния Хорст Петс возмущался, что лидер ГДР В. Ульбрихт и первый секретарь СЕПГ М. Эвальд на 3-й конференции в Хемнице заявили, что «...долг каждого гражданина, а значит и спортсмена – укреплять ГДР». По их мнению, победы спортсменов укрепят политический престиж восточногерманского государства. Далее Петс с негодованием отмечал, что «подобных тезисов международный спортивный мир не слышал даже от Советов, которые остерегались объявить свой спорт средством политической власти» [12, с. 61–62]. Журналист заключал, что «ввиду людского потенциала Советский Союз не нуждается в таком средстве власти, это ясно само собой» [12, с. 62]. Петса не смущало, что сепаратное существование двух Германий было инициативой не социалистического лагеря. В конечном итоге компромисс был достигнут, и немцы выступили на играх единой командой [12, с. 69]. Проблема двух Германий была не единственной трудностью представительства на олимпиадах. Так, в 1956 году МОК не желал исключать из своего состава Тайвань, что вызвало сильное недовольство КНР и СССР. Причём и в условиях охлаждения отношений с Китайской Народной Республикой в 1960–1980-е гг. Советский Союз занимал последовательную антитайваньскую позицию. В отличие от проблемы двух Германий этот вопрос затянулся, и достигнутый в 1959 г. компромисс, закончившийся исключением НОК Тайваня из МОК, по мотиву того, что он не контролировал спорт в КНР, не разрешил всех проблем [12, с. 96–97]. Китайская проблема оставалась нерешённой вплоть до 1970-х гг. [12, с. 76]. Неурегулированной оставалась и проблема двух Корей. Равноправие же Национальных олимпийских комитетов ГДР и ФРГ было признано в 1959 г. [12, с. 96–97].

Не всё гладко складывалось во время отдельных соревнований между спортсменами социалистических стран. Недовольство советского руководства вызвали действия сборной Чехословакии, которая в матче с США пропускала шайбы умышленно. Хотя итог данного противостояния и не повредил хоккейной сборной Советского Союза, но был неприятен для «старшего брата» [12, с. 72]. Естественно, что без внимания не осталась драка в хоккейном матче между командами Польши и Чехословакии. Советских чиновников спорта и пропаганды беспокоило то, что такой инцидент «был использован буржуазной прессой во враждебных целях против стран народной демократии и СССР» [12, с. 71]. Тенденция к политизации отдельных соревнований между командами из стран социалистического лагеря в дальнейшем повторя-

лась, в то же время соперничество советских спортсменов с атлетами капиталистических государств было обычно более дружеским.

Результаты советских спортсменов перед Олимпиадой 1964 г. несколько снизились, поэтому советские спортивные чиновники не без оснований опасались поражения команды в общем медальном зачёте. В своём анализе результатов сезона, предшествовавшего олимпийскому году, спорткомитет связывал улучшение спортивных показателей конькобежцев Скандинавии, Голландии, США, Франции и Японии с наличием там искусственных катков [12, с. 122]. На конькобежный спорт не случайно обращалось пристальное внимание, т.к. традиционно этот вид спорта наряду с лыжными гонками один из самых медалёмких на зимних играх.

На заседании МОК в Лозанне 7–8 февраля 1963 г. было решено, что ГДР и ФРГ, КНДР и Южная Корея создадут единые команды для участия в играх. Если для двух Германий такое решение было принято уже в третий раз, хотя было совершенно неочевидно ввиду недавней постройки Берлинской стены, то по Кореем договориться удалось впервые [12, с. 127]. Но решение МОК по Корее оказалось неокончательным, и на самих играх команды выступили раздельно.

На заседаниях МОК перед Олимпиадой бурно обсуждался вопрос об отмене звучания гимнов в честь победителей игр, т.к. это, по мнению некоторых членов исполкома, в том числе президента Брендеджа, разжигало национализм [12, с. 127]. Отношения советского спортивного и политического руководства с президентом МОК были напряжёнными; по мнению советской стороны, Брендедж постоянно пытался протаскивать реакционные решения [12, с. 131].

Советские идеологи стремились всесторонне использовать пропагандистские возможности во время Олимпиады. Инсбрук-1964 в этом смысле подходил лучше, чем Кортина д'Ампеццо и Скво-Вэлли. Наиболее важным пропагандистским актом было получение шестикратной олимпийской чемпионкой Лидией Скобликовой партийного билета без прохождения кандидатского стажа. Фабула данного события была следующей: на одной из встреч с журналистами на играх в Инсбруке американский корреспондент задал конькобежке вопрос: является ли та членом КПСС. В письме Хрущёву Скобликова сокрушалась, что не могла утвердительно ответить на заданный вопрос, поскольку в партии не состояла. Вскоре после этого волевым решением Хрущёва ситуация была исправлена, о чём и было тут же отрапортовано в советских СМИ [12, с. 155–156].

Факт использования советским руководством Олимпийских игр для ведения пропагандистской деятельности выражался как в организации встреч советских спортсменов с иностранными атлетами, так и в продвижении коммунистических идей. Для иностранных посетителей устраивались не только встречи с советскими спортсменами (т.н. «вечера автографов»), но также организовывались мероприятия с участием С. Михалкова, К. Симонова, Л. Кассиля, приехавшими в Инсбрук туристами [12, с. 166]. Созданию положительного имиджа Советского Союза должен был способствовать специально прибывший на IX Олимпийские игры космонавт П.Р. Попович, выступавший в Австрии перед разными аудиториями [12, с. 167–168].

В ходе мероприятий распространялась пропагандистская литература, а по окончании соревнований с 11 по 15 февраля 1964 г. некоторые советские спортсмены вместе со спортивными чиновниками проводили работу с местным населением в Вене, Линце, Зальцбурге, Кицбюгеле, Гмундене и других городах Австрии [12, с. 167].

При этом не все советские мероприятия были направлены на пропаганду идей коммунизма. Советская делегация вела продажу книг советских писателей, научных и технических изданий, а также экспонировала выставку, посвящённую развитию спорта в СССР [12, с. 167]. С учётом успехов советских спортсменов, одержавших победу в общекомандном первенстве, интерес к ним и к СССР был в Австрии очень велик. Фотовыставки о развитии спортивного движения также организовывали чешская и венгерская делегации, причём для Чехословакии это был далеко не первый опыт таких мероприятий [12, с. 169].

Советские представители, сами проводившие агитационную и пропагандистскую работу, в то же время опасались аналогичных действий от стран Запада. В отчёте советского представителя Союза общества дружбы в Австрии В. Заломова и третьего секретаря посольства П. Деева было указано следующее: «Наибольшую опасность в этом деле проявили венгерские, чехословацкие, польские эмигрантские и сионистские организации. Им удалось уговорить не возвращаться на родину семь венгерских и пять чехословацких туристов, а также одного спортсмена из ГДР» [12, с. 169]. Советское руководство не случайно опасалось деятельности западных спецслужб, т.к. любой такой эпизод негативно влиял на политические взаимоотношения со странами капиталистического мира и мог вызвать международный скандал и показать, что в лагере социализма не всё так радужно, как

представляла пропаганда. Негативным образом сказывались и воспоминания об имевших в предыдущие годы бегствах спортсменов из стран социалистического лагеря в страны Западной Европы. Достаточно вспомнить отъезд лучшего венгерского футболиста Ференца Пушкаша в Испанию после событий 1956 года.

По итогам Олимпийских игр советское посольство в Австрии подготовило для ЦК КПСС подробный отчёт о прошедших играх, где анализировалась политическая составляющая игр. Спортивной части посольство не касалось, это было прерогативой Спортивного комитета по физической культуре. Чиновники посольства сетовали, что, несмотря на товарищеские отношения между членами делегаций разных стран, представители буржуазных государств не проявляли интереса к политическим мероприятиям Олимпийских игр. С точки зрения советских дипломатов, на играх недостаточное внимание было уделено укреплению интернациональных и общественных связей [12, с. 164]. Если для Советского Союза важнейшим мотивом участия в играх был политико-идеологический, то для капиталистических стран – коммерческий. При этом Олимпиада рассматривалась австрийцами и основными спонсорами (ими в большом количестве являлись западногерманские фирмы) как способ заработать. Массовая реклама, «которая имела место даже на дорожных указателях», вызывала недовольство советских представителей. По их мнению, цены на посещение соревнований, гостиницы, питание и различные услуги были сильно завышены. Соответственно и в социальном составе зрителей преобладали представители «высокообеспеченных классов». Так, в информации посольства для ЦК КПСС отмечалось: «На протяжении всех Игр в Инсбруке находились в качестве туриста в сопровождении большой свиты шах Ирана с женой, ряд королевских семей из европейских стран, много крупных промышленников, дельцов и т.п.» [12, с. 164].

По окончании зимних и летних Олимпийских игр в Австрии центральный совет Союза спортивных обществ и организаций СССР выступил в ЦК КПСС с инициативой о награждении победителей и призёров игр 1964 г. [12, с. 170]. Члены ЦК КПСС в ходе обсуждения выразили недовольство, не понимая, за какие заслуги предполагались награды некоторым из предложенных кандидатур. Во-первых, достижения ряда спортсменов на Олимпийских играх 1964 г. в сравнении с соревнованиями 1960 г. были ниже. Во-вторых, по мнению ЦК, часть спортсменов, представленных к наградам, не имели ещё заслуг перед страной и спортивным движением, кроме одного успешного, но не вы-

дающегося, выступления на зимних или летних Олимпийских играх [12, с. 171]. Складывалась парадоксальная ситуация. Центральный совет спортивных обществ СССР представил к награждению ряд спортсменов, которым в связи с недостаточными спортивными достижениями или фактами неправильного поведения не счёл возможным присвоить звание заслуженного мастера спорта. ЦК КПСС считал неприемлемым предложения о наградах для 16–18-летних спортсменов, а также массажистов, врачей и научных работников, оказывающих помощь в работе сборных команд страны, из-за отсутствия у указанных работников особых конкретных заслуг [12, с. 172]. В случае с молодыми спортсменками руководство КПСС смущал возраст, хотя в некоторых видах спорта большие спортивные достижения возможны в основном как раз в этот момент. Что касается «людей, таскающих рюкзак», то они зачастую остаются на втором плане, хотя иной раз именно их работа является определяющей для успехов как отдельного спортсмена, так и целой команды. Т.к. критерии по определению вклада в общий успех отсутствовали, партийному руководству проще было отказать в наградах.

На любые игры всегда планировались не только подготовка спортсменов, затраты на проживание делегации за рубежом, количественный и качественный состав немногочисленных советских туристов, но и политико-идеологическая работа на время соревнований. Так, в Гренобле во время проведения игр проходили вечера дружбы в рабочих и студенческих клубах, встречи со спортсменами других стран, показ советских кинофильмов, распространение литературы и сувениров пропагандистского характера, пресс-конференции для иностранных журналистов, передачи о спорте в СССР по местному радио и телевидению. Для иностранных читателей издавались специальные выпуски советских газет [12, с. 192]. Расходы на информационно-пропагандистскую работу закладывались в отдельную смету. В смету входило издание газет, брошюр и журналов о Советском Союзе, оплата проезда журналистов (в том числе иностранных) и кинооператоров [12, с. 193].

Для стран, проводивших игры, комитет по кинематографии готовил советские художественные и документальные фильмы по особому списку для проката во время Олимпиад, министерством культуры на соревнования направлялись художественные коллективы для гастрольных выступлений, устраивались выставки прикладного искусства, министерством связи выпускались марки и конверты, посвящённые Олимпиаде. Помимо этого комитетом по печати

при Совете Министров СССР изготавливались справочники о составе советских делегаций на русском, английском языках и языках стран, принимающих игры. Наконец, в обязательном порядке готовились и организовывались фото-выставки «Спорт в СССР», издавались различные брошюры о спорте в советском государстве и т.п. [12, с. 209–210, 425–427]. Даже отправка туристических групп на Олимпийские игры рассматривалась иной раз как контрпропагандистская мера [12, с. 321–322, 325]. Такой же мерой пропагандистского характера и в 1980-е гг. оставалось включение в состав делегации советских космонавтов, что уже имело место во времена Н.С. Хрущёва. Так, в Сараево-1984 им стал А.А. Леонов, первый вышедший в открытый космос человек [12, с. 449].

Количество и конкретный состав корреспондентов, отправляемых на любые игры, неизменно согласовывался с соответствующим отделом ЦК КПСС и утверждался на заседании высшими государственными и партийными лицами. На каждую последующую Олимпиаду ехало всё большее число журналистов [12, с. 313–315]. При этом количество командированных на соревнования представителей телевидения и печати по меркам западных информагентств было незначительным, а потому журналистам было сложно охватить все нюансы игр. На «Белых» играх 1984 г. в Сараево работала бригада из 40 человек, в то же время крупнейшие западные информагентства, такие как ЮПИ, АП, Франс Пресс, Рейтер, имели бригады от 75 до 125 человек [12, с. 427].

Справедливости ради надо подчеркнуть, что в политических целях Олимпиады использовал не только Советский Союз, но и Запад. Помимо общеизвестных случаев бойкота игр отдельно взятыми странами и целым блоком стран, как из социалистического, так и из капиталистического лагеря, нередким явлением были двусмысленные или прямо провокационные вопросы журналистов Западной Европы и США. Особое неприятие советской страны и государств социалистического лагеря вызывали репортажи радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа» [12, с. 344]. Для лишения их аккредитации советские функционеры обращались даже к руководителю МОК М. Килланину и, в конце концов, смогли добиться желаемого. Перед Олимпиадой в Москве ситуация была особенно тревожной. В связи с возможными непростыми ситуациями во время интервью и пресс-конференций был заготовлен список вопросов, которые наиболее часто задавали зарубежные корреспонденты представителям СССР на различных соревнованиях. Записку с этим списком

20 марта 1979 г. направил в ЦК КПСС председатель спорткомитета С.П. Павлов. В дальнейшем предполагалось сформировать желаемые ответы членов советской делегации, если им вдруг случится оказаться в каверзной ситуации. Часть предполагаемых вопросов журналистов касалась предстоящей Олимпиады в Москве, но они заслуживают отдельного рассмотрения. Здесь же хотелось сфокусироваться на вопросах общего характера.

Некоторые вопросы, такие как подчинённость поездок спортсменов на международные соревнования внешней политике правительства, слишком длительные сроки обучения спортсменов в высших учебных заведениях, нахождение лидеров олимпийских команд на государственной стипендии, полная зависимость Олимпийского комитета от Спорткомитета СССР и контроль над деятельностью своих представителей в международных спортивных объединениях со стороны государства, были справедливыми и действительно указывали на системные особенности советского спорта. При этом они, с одной стороны, подтверждали зависимость спорта в СССР от политики государства, но, с другой стороны, были вызваны и этатизмом страны Советов. И, таким образом, финансирование спорта шло иначе, нежели в странах Западной Европы и Северной Америки.

Однако другая часть предполагаемых вопросов могла быть провокационной. В записке указывалось, что могут возникнуть вопросы о якобы имеющей место дискриминации национальных меньшинств в советском спорте и отдаваемом предпочтении русским при формировании сборных команд, что было неправдой. «Из дисидентских источников» западные журналисты знали, что в советских школах и вузах спорт является принудительной дисциплиной, хотя он просто входил в учебные программы, как и ряд других предметов. Дискутировался вопрос о том, кем являются советские спортсмены-игровики – любителями или профессионалами. Западные журналисты могли запросто спросить, почему низведены до уровня показательных выступлений национальные виды спорта в Молдавии, Средней Азии и Закавказье, будто бы во всех других странах мира абсолютно все виды спорта поддерживаются. Причём далее вопрошалось: не является ли это забвением национальной культуры [12, с. 377–378]?

Зимняя Олимпиада 1968 г. во французском Гренобле была выиграна норвежской командой, что было единственным случаем победы несоциалистической страны на зимних играх в период участия в них СССР. Этот факт рассматривался советским руководством как крупная

неудача, тем более что победа одержана страной, входившей в НАТО, – хотя Норвегия и не рассматривалась в качестве принципиального противника, как, например, США, ФРГ или Канада. К радости руководства советского государства ни одна из этих стран на «белых» олимпиадах в соперничестве с СССР не побеждала [12, с. 197].

Вечная борьба шла между советским спортивным руководством и отдельными предложениями МОК по включению в программу игровых видов спорта или дисциплин, в которых уровень советских спортсменов не позволял претендовать на медали, а иногда даже на участие. С точки зрения советских функционеров включение таких видов спорта в олимпийскую программу было реакционным [12, с. 201]. В таких случаях советское руководство проводило специальные совещания по этим вопросам с представителями социалистического лагеря [12, с. 244–246]. Однако согласовать единую линию удавалось не всегда. На словах страны социалистического лагеря, разумеется, заявляли о безусловном согласии с предложениями советских функционеров, но когда дело доходило до совещаний на уровне МОК или отдельных международных спортивных организаций, нередко становились неожиданные демарши [12, с. 392]. Советский Союз был недоволен действиями ГДР, которая на международных совещаниях по факту отстаивала мнение, расходящееся с принятым соцстранами решением. В частности, представитель ГДР отказывался голосовать за исключение сборных команд ЮАР и Родезии из состава МОК, занимал отрицательную позицию в вопросе о снятии с должности члена МОК Ч. Палмера и пр. [12, с. 392]. Трудности возникли на сборе советских саночников в знаменитом Оберхофе. Представители ГДР отказались разрешить совместные тренировки между советскими и восточногерманскими спортсменами, а также устанавливали неудобное время для тренировок. Помимо этого немецкие спортсмены избегали контактов с советскими коллегами, заканчивая тренировки даже чуть раньше срока. И это притом, что советские саночники не являлись в силу невысоких результатов реальными соперниками восточногерманским спортсменам [12, с. 384–385, 392]. Кроме того, сборные ГДР в одностороннем порядке отменяли совместные сборы с советской командой. Всё это делалось с целью не допустить советских представителей к своим методическим и фармакологическим разработкам. С учетом вскрывшегося в дальнейшем, по всей видимости систематического, использования допинга спортсменами из ГДР, действия

восточногерманских спортивных федераций становятся понятны.

СССР и страны социалистического блока были чрезвычайно недовольны действиями спортивного руководства ГДР в вопросах допинга на международных соревнованиях. Немцев прямо обвиняли в фальсификации результатов анализов допинг-тестов. Так, например, представитель Спорткомитета СССР писал в ЦК КПСС, что специалисты из ГДР допинг находили только у спортсменов из соцстран. Причём после соревнований в странах Запада у спортсменов допинга не обнаружили, а немцы его нашли. Конечно, для окончательного выяснения этого вопроса требуются дополнительные источники, но советское недовольство показательно. ГДР, в своём стремлении побеждать, также предлагала двустороннюю «секретную договоренность по защите интересов спортсменов СССР и ГДР», но советская сторона благоразумно отказалась [12, с. 393].

В течение 1970-х гг. спорт стал всё сильнее профессионализироваться. Для советского спорта, который любительским был лишь номинально, это представляло определённую опасность, т.к. в перспективе могло быть получено разрешение для профессиональных спортсменов стран Запада на участие в Олимпийских играх [12, с. 279]. В командных видах спорта (таких как хоккей) это могло поколебать передовые позиции советских спортсменов. Журналист «Нью-Йорк Таймс» Сульцбергер на страницах издания выразил мнение, что спортсмены коммунистических стран, которые финансируются государством через вооружённые силы или промышленные предприятия, принадлежащие государству, не могут считаться любителями [12, с. 279]. Его замечание, однако, не было превращено даже самими американцами в шумную кампанию. Оно и понятно, т.к. профессиональный статус спортсмена совершенно не обязательно связан с источником финансирования его деятельности. Принципы, в своё время предложенные Пьером де Кубертенем при создании Олимпийского движения, касавшиеся любительского статуса участников соревнований, фактически давно не действовали. В свою очередь МОК и федерациям проще было закрывать на это глаза, тем более что игры, как дорогостоящее мероприятие, требовали больших затрат и с помощью спортсменов можно было привлечь спонсоров. В ходе московского визита главы МОК Х.А. Самаранча в декабре 1982 года советские представители выразили озабоченность профессионализацией и коммерциализацией спорта. Они настаивали на более решительной борьбе с этим явлением со стороны

МОК. Самаранч занимал двусмысленную позицию. В ответ на советские претензии он справедливо намекал на преимущественное положение спортсменов соцстран, которые были любителями только на бумаге [12, с. 418].

Из всех зимних игр эпохи «развитого социализма» самой трудной в политическом отношении для СССР была Олимпиада 1972 г. в Саппоро. Как известно, Япония и Советский Союз не имели мирного договора и между ними существовал территориальный спор. Советская сторона настоятельно требовала от организаторов предотвращения и устранения выступлений с политическими лозунгами по проблеме Курильских островов [12, с. 229–230]. И действительно, отдельные выпады в адрес советской страны имели место. Так, советский консул А.Н. Романов в беседе с мэром города Саппоро Т. Итагаки выразил положительное отношение к тому, что на шоссе, соединяющем олимпийскую столицу и аэропорт, отсутствуют лозунги, противоречащие духу и букве Олимпийской хартии. Однако при этом генеральный консул СССР в Саппоро Н.И. Бандура обратил внимание, что на бульваре Одори в Саппоро, находящемся в центре города, размещены лозунги о возвращении «северных территорий». Мэр города сопротивлялся этому требованию, объясняя тем, что надписи сделаны на японском языке и вряд ли кто-либо из советских гостей сможет понять то, что там написано, а во-вторых, он боялся недовольства японской общественности. Это утверждение советский консул парировал примером китайцев, убравших в Пекине все недружелюбные упоминания про США в связи с готовившимся визитом американской делегации в Поднебесную [12, с. 276–278]. В конечном итоге японская сторона пошла на уступки в этом вопросе.

Как и прежде, советская сторона пыталась защитить своего северокорейского союзника, опасаясь, что корейские эмигрантские организации, существовавшие на о. Хоккайдо, могут омрачить игры политическими провокациями и лозунгами. Однако организаторам удалось пресечь попытки использовать спортивные соревнования как политическую площадку. Советские функционеры в своих отчётах в Москву с удовлетворением сообщали, что две корейские организации вообще поддерживали спортсменов обеих Корей [12, с. 230–231].

Зимняя Олимпиада 1980 г., которая проходила в американском Лейк-Плэсиде, также вызвала опасение у политических и спортивных руководителей социалистических стран из-за возможной буржуазной пропаганды со стороны США и Канады [12, с. 348–349]. Однако в ко-

нечном итоге значимыми для спортсменов трудностями стало только место проживания. Часть советских спортсменов поселили на территории будущей тюрьмы. Условия проживания были, по оценкам советских спортивных функционеров [12, с. 393] и ряда спортсменов, трудными [14]. Хотя иные вспоминали, что эти условия не вызвали у них дискомфорта [15].

11 февраля 1980 года в записке комитета физкультуры констатировалось, что в Лейк-Плэсиде в Олимпийской деревне созданы трудные условия для проживания. Предусматривалось размещение двух человек в комнатах площадью 6 кв. м, в которых практически отсутствовали окна. Температура в помещениях колебалась от 26 до 15–18 градусов, отсутствовала нормальная вентиляция, помещения не были оборудованы достаточным количеством туалетов и душевых [12, с. 398]. При этом многие спортсмены США, Швеции, Норвегии, ГДР не проживали в деревне. В связи с этим Спорткомитет предлагал снять два коттеджа для 20–30 спортсменов, претендующих на медали, и отдел пропаганды ЦК КПСС согласился с доводами, предоставив финансовые средства для оплаты аренды [12, с. 399]. Главная спортивная газета страны «Советский спорт» обращала внимание на условия размещения спортсменов в Лэйк-Плэсиде, пытаясь использовать это обстоятельство во внутренней пропаганде. Так, была опубликована заметка по поводу отсутствия на играх олимпийского чемпиона 1932 года конькобежца Ирвинга Яффе, который в своё время сказал, что «такой маленький городок, как Лейк-Плэсид, недостаточно оснащён, чтобы принять у себя столь крупные состязания». После этого, по утверждению автора заметки, Ирвинга не пригласили на церемонию открытия игр. «Вот и полагайся после этого на право высказывать своё мнение», – резюмировал корреспондент [16, с. 4].

Игры 1988 г. в канадском Калгари стали последней Белой Олимпиадой для советской страны. Объявленная М.С. Горбачёвым политика «нового мышления» предполагала пропаганду идей мира и сотрудничества между народами, создание образа СССР, решительно вступившего в полосу обновления всех сторон внутренней жизни [12, с. 482]. Но одновременно советские руководители опасались возможного бегства членов делегации во время игр в Канаде. Сохранялись опасения провокационной работы западных спецслужб (в первую очередь американских), а также различных антисоветских эмигрантских националистических организаций, различных экстремистов, в частности сикхов. Причём советским функционерам было

известно, что в Калгари оборудован пункт приёма, обработки и предварительного содержания потенциальных невозвращенцев. Более того, предполагалось, что спортсмены, получившие травмы, должны были помещаться в специальный госпиталь; причём никто из близких друзей и официальных лиц к ним допускаться не будет. В конечном итоге советские представители убедили канадцев и МОК в нежелательности таких действий, и игры не были омрачены подобными скандалами. Особые опасения вызывали националистические организации, в первую очередь афганские и бандеровские группировки. От афганских группировок ожидалось акты терроризма с участием «смертников» [12, с. 481]. Вспоминая теракт на мюнхенской Олимпиаде 1972 года, опасались подобной угрозы. Однако никаких эксцессов в конечном итоге не случилось. Советник посольства СССР в Канаде Ершов в отчёте для ЦК КПСС с удовлетворением отмечал дружелюбную обстановку, сложившуюся на играх, и уступки канадцев по наиболее спорным вопросам [12, с. 484]. Вектор международной политики менялся, а с ним теплела и обстановка на спортивных состязаниях и особенно вокруг них.

К зимним Олимпиадам внимание руководства СССР было меньшим, но победа в медальном зачёте рассматривалась как обыденное явление, чего нельзя сказать о вторых местах. И в этом случае было не важно, кто выиграл: Норвегия (как в 1968 г.) или ГДР. На это смотрели как на просчёт спортсменов, тренеров, спортивных функционеров. По мнению высших партийных руководителей, любая неудача на Играх была по престижу социалистической страны, а победа якобы доказывала превосходство советского строя над капиталистическим укладом жизни. Изжить такой стереотип не удавалось до самого распада советского государства, идеологическая «накачка» спортсменов перед соревнованиями и в 1980-е гг. оставалась нормой. Международные кризисы, возникавшие в период «холодной войны», часто били по амбициям спортсменов. Однако с учетом того, что финансирование и обеспечение спорта высших достижений в СССР было государственным, в этом нет ничего странного и удивительного.

Для руководства Восточной Германии победа в Олимпийских играх, по-видимому, была не менее принципиальна, чем для советских лидеров. Победа могла оправдать все средства, даже если при этом наносился ущерб социалистическим странам и самому СССР, но это обычно вызывало не более чем возмущение союзников. Исследование проблемы спортивных взаимоотношений между ГДР и СССР, на наш взгляд,

является весьма актуальной проблемой, которая с учётом постепенного рассекречивания многих архивных документов должна быть проанализирована в обозримом будущем.

Список литературы

1. Прокуменщиков М.Ю. Братья относятся не по-братски. А враги дружелюбны // Газета. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2013/12/11_a_5798481.shtml (дата обращения: 25.12.2017).
2. Прокуменщиков М.Ю. Большой спорт и большая политика. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 464 с.
3. Пасынкова В.В. Спорт и политика в Европе. СПб.: Норма, 2014. 217 с.
4. Раззаков Ф.И. Звёздные трагедии: загадки судьбы и гибели. М.: Эксмо-пресс, 2000. 900 с.
5. Левин Е.А. Ассимиляция спорта и политики в современном мире // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2015. № 6 (96). С. 123–126.
6. Сафонов В.А. Спорт как инструмент формирования политического имиджа // Теория и практика общественного развития. 2015. № 9. С. 147–149.
7. Баринов С.Ю., Столяров В.И., Орешкин М.М. Современный спорт и олимпийское движение в системе международных отношений: Учеб. пособие. М.: Университетская книга, 2012. 348 с.
8. Мартыненко С.Е. Роль спортивной дипломатии в международных отношениях и внешней политике: Дис. ... канд. ист. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2015. 168 с.
9. Деметер Г.С. Очерки по истории отечественной физической культуры и олимпийского движения. М.: Советский спорт, 2005. 324 с.
10. Лукьянов В.И. Россия и олимпийское движение: вчера–сегодня–завтра. М.: Терра-Спорт, 2004. 256 с.
11. Столбов В.В. Эволюция Олимпийских идей от Пьера де Кубертена до Хуана Антонио Самаранча // Теория и практика физической культуры. 1994. № 8. С. 8–10.
12. Белые игры под грифом «секретно»: Советский Союз и зимние Олимпиады. 1956–1988 / Главный редактор Н.Г. Томилина. Составители: И.В. Казарина, М.Ю. Прокуменщиков. М.: МФД, 2013. 560 с.
13. Hughes R.G., Owen R.J. The continuation of politics by other means: Britain, the two Germanys and the Olympic Games, 1949–1972 // Contemporary European Hist. Cambridge, 2009. Vol. 18. № 4. P. 443–474.
14. Шамонаев А. Лэйк-Плэсид-1980: спортсмены на нарах, антисоветское чудо и слёзы чемпионки // Спорт-экспресс: сайт. URL: <http://www.sport-express.ru/olympics/sochi2014/reviews/822387/>
15. Зимятов Н. Нынешняя популярность биатлона – это заслуга компании Михаила Прохорова [Электронный ресурс] // Sports.ru: сайт. URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/sportbo/1182478.html> (дата обращения: 30.12.2017).
16. Советский спорт. 1980. № 43 (9862).

WINTER OLYMPIC GAMES IN THE SOVIET POLITICS (1956–1988)

I.S. Tryakhov

The article discusses the importance of the winter Olympic Games in Soviet politics. Basing on the published documents of the CPSU Central Committee and the USSR Sports Committee, the author shows how the Soviet leadership used Soviet athletes' achievements and the «White Games» themselves in their propaganda activities. The conflicts in the Olympic movement are considered that arose due to difficulties in international relations and at the same time influenced international politics. At some points, sports rivalry between the socialist countries under the influence of the political situation turned into a tough confrontation. Conflicts of this type usually did not happen during the competition between Soviet and Western athletes.

Keywords: Winter Olympic Games, Cold War, International Olympic Committee, Sports Committee of the USSR, countries of the socialist bloc, commercialization of sports.

References

1. Prozumenshchikov M.Yu. Brat'ya odnosyatsya ne po-bratski. A vragi druzhelyubny // *Gazeta*. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2013/12/11_a_5798481.shtml (data obrashcheniya: 25.12.2017).
2. Prozumenshchikov M.Yu. Bol'shoj sport i bol'shaya politika. M.: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEhN), 2004. 464 s.
3. Pasyukova V.V. Sport i politika v Evrope. SPb.: Norma, 2014. 217 s.
4. Razzakov F.I. Zvyozdnye tragedii: zagadki sud'by i gibeli. M.: Ehksmo-press, 2000. 900 s.
5. Levin E.A. Assimilyaciya sporta i politiki v sovremennom mire // *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta*. 2015. № 6 (96). S. 123–126.
6. Safonov V.A. Sport kak instrument formirovaniya politicheskogo imidzha // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2015. № 9. S. 147–149.
7. Barinov S.Yu., Stolyarov V.I., Oreshkin M.M. Sovremennyy sport i olimpijskoe dvizhenie v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij: Ucheb. posobie. M.: Universitetskaya kniga, 2012. 348 s.
8. Martynenko S.E. Rol' sportivnoj diplomatii v mezhdunarodnyh otnosheniyah i vneshnej politike: Dis. ... kand. ist. nauk. M.: Rossijskij universitet druzhby narodov, 2015. 168 s.
9. Demeter G.S. Ocherki po istorii otechestvennoj fizicheskoj kul'tury i olimpijskogo dvizheniya. M.: Sovetskij sport, 2005. 324 s.
10. Luk'yanov V.I. Rossiya i olimpijskoe dvizhenie: vchera–segodnya–zavtra. M.: Terra-Sport, 2004. 256 s.
11. Stolbov V.V. Ehvoluciya Olimpijskih idej ot P'era de Kubertena do Huana Antonio Samarancha // *Teoriya i praktika fizicheskoj kul'tury*. 1994. № 8. S. 8–10.
12. Belye igry pod grifom «sekretno»: Sovetskij Soyuz i zimnie Olimpiady. 1956–1988 / Glavnyj redaktor N.G. Tomilina. Sostaviteli: I.V. Kazarina, M.Yu. Prozumenshchikov. M.: MFD, 2013. 560 s.
13. Hughes R.G., Owen R.J. The continuation of politics by other mans: Britain, the two Germanys and the Olympic Games, 1949–1972 // *Contemporary European Hist.* Cambridge, 2009. Vol. 18. № 4. P. 443–474.
14. Shamonaev A. Lehjk-Plehsid-1980: sportsmeny na narah, antisovetskoe chudo i slyozy chempionki // *Sport-ehkspress: sajt*. URL: <http://www.sport-express.ru/olympics/sochi2014/reviews/822387/>
15. Zimyatov N. Nyneshnyaya populyarnost' biatlona – ehto zasluga kompanii Mihaila Prohorova [Ehlektronnyj resurs] // *Sports.ru: sajt*. URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/sportbo/1182478.html> (data obrashcheniya: 30.12.2017).
16. Sovetskij sport. 1980. № 43 (9862).